D 16
9 11к

Н. А. Гредескулъ

Профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета.

МАРКСИЗМЪ и ИДЕАЛИЗМЪ

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.
1905.

Изданія книжнаго магазина П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.

ДУША и ПРИРОДА.

Соч. проф. В. Я. Данилевскаго.

2-е дополненное и переработанное изданіе.

Цѣна 1 руб.

ЧУВСТВО и ЖИЗНЬ.

Соч. профессора В. Я. Данилевскаго.

Цѣна **50** коп.

СУЕВѢРІЕ ВЪ МЕДИЦИНѢ.

Сочиненіе д-ра Ф. Л. ГЕРМАНА.

Цѣна **50** коп.

ЗАСЛУГИ ЖЕНЩИНЪ

въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными.

Сочин. д-ра Ф. Л. Германа.

Одобрено ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія.

Цѣна **60** к., съ перес. **80** к.

ГИПНОТИЗМЪ,

его значеніе въ наукѣ, въ правѣ и уголовномъ судопроизводствѣ.

Соч. проф. Э. Ф. БЕЛЛИНА.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Н. А. Гредескулъ

Профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета.

МАРКСИЗМЪ и ИДЕАЛИЗМЪ

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.

1905.

„Проз 38.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
208
39

9
11к

ТИПО-ЛИТ. ТВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ И КО МОСКВА

I.

Еще очень недавно, всего 3—4 года тому назадъ передовой и юною частью русскаго общества всецѣло владѣлъ марксизмъ или, такъ называемый, экономическій матеріализмъ. Марксизмъ налетѣлъ на наше общество, какъ какой-то шквалъ, и распространился въ немъ съ быстротою самой заразительной болѣзни, сопровождаясь сильно повышенной температурой, бурными лихорадочными приступами, иногда даже настоящимъ бредомъ. Людямъ моего поколѣнія, выросшимъ и воспитавшимся въ нѣсколько иной идейной атмосферѣ, приходилось поистинѣ изумляться, *почему* это идейное повѣтріе получило такую внезапную силу и *въ чемъ именно* лежало его заразительное для умовъ начало? Признаюсь, для меня и теперь неясно, почему именно это ученіе, а не какое-либо другое, пріобрѣло силу эпидеміи среди русскаго общества и русской молодежи. Очевидно, тутъ дѣло не столько въ свойствахъ ученія, сколько въ какихъ-то законахъ коллективной психологіи, выдвигающей на сцену опредѣленные умственные запросы и дающей мѣсто ихъ извѣстному идейному удовлетворенію. Этотъ послѣдній выводъ хорошо подтверждается и той неожиданной судьбой, какую марксизмъ претерпѣваетъ у насъ въ настоящее время. Какъ быстро онъ нахлынулъ, такъ же быстро сталъ теперь сбывать, уступая мѣсто совершенно инымъ, прямо противуположнымъ теченіямъ. На мѣсто „марксизма“ и „матеріализма“ теперь въ тѣхъ же умахъ и въ тѣхъ же сердцахъ водворяется „идеализмъ“, ученія о суве-

ренитетѣ духа, объ абсолютномъ значеніи личности, и пр. и пр., о чемъ раньше не хотѣли и слушать. Мы теперь уже не въ матеріалистической, а въ идеалистической волнѣ,—на первое мѣсто мы ставимъ теперь уже не „экономическій факторъ", а идеальныя стремленія самочинной и самоцѣльной человѣческой личности. Я не знаю, можетъ быть, и эта „идеалистическая" волна схлынетъ съ насъ такъ же быстро, какъ и марксистская, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что центръ вниманія русскаго общества въ настоящее время передвинулся и теперь стоитъ какъ разъ на „идеализмѣ". А если такъ, то теперь, значитъ, время объ идеализмѣ и рѣчь вести,—значитъ, теперь, до извѣстной степени, праздникъ на улицѣ тѣхъ, кто и раньше не испытывалъ большого удовольствія отъ затопленія умственнаго горизонта внезапно поднявшейся марксистской волной.

Впрочемъ, долженъ напередъ замѣтить, что я вовсе не имѣю въ виду вести предстоящую намъ бесѣду въ полемическомъ тонѣ и, съ своей стороны, обострять получившееся столкновеніе различныхъ взглядовъ на міръ и на человѣческую жизнь. Правда, мои личныя симпатіи лежатъ на сторонѣ того міровоззрѣнія, которое именуется „идеалистическимъ", я никогда не былъ приверженцемъ марксизма и всегда считалъ, что истиннымъ движущимъ началомъ исторіи является „психизмъ", а не „экономизмъ", но все же я хотѣлъ бы здѣсь вмѣстѣ съ Вами не столько „спорить", сколько вникать,—не столько воевать уже готовыми формулами, сколько взвѣшивать и оцѣнивать тѣ элементы, изъ которыхъ эти формулы построяются. Я прошу у Васъ и предлагаю Вамъ минуту размышленія надъ тѣми вопросами, которые теперь выдвинуты на первый планъ фактомъ смѣны одного міросозерцанія другимъ.

Что такое марксизмъ—это хорошо извѣстно въ самыхъ широкихъ кругахъ. Я здѣсь только освѣжу въ

Вашей памяти нѣкоторыя его основныя положенія. Марксизмъ, какъ общее и философское міровоззрѣніе, какъ особый взглядъ на человѣческую жизнь и исторію, возникъ потому, что основатель его, Марксъ, будучи первоклассным изслѣдователемъ въ области хозяйственныхъ явленій и построяя свои чисто-экономическія ученія, высказалъ нѣсколько положеній, далеко выходившихъ за предѣлы одной экономической науки. Предметъ своихъ спеціальныхъ занятій—экономическую дѣятельность людей, экономическую структуру обществъ,—словомъ, то, что собирательно и совокупно именуется „экономическимъ факторомъ", онъ противупоставилъ всѣмъ остальнымъ сторонамъ человѣческой и общественной жизни—наукѣ, морали, праву, религіи, искусству, государству, т.-е. такъ называемымъ „идейнымъ" факторамъ исторіи, и высказалъ свое знаменитое положеніе о томъ, что въ основѣ историческаго движенія человѣчества лежитъ именно „экономическій" факторъ, а все остальное есть не болѣе, какъ „надстройка" надъ экономикой, не играющая существенной роли и сама всецѣло опредѣляемая основнымъ двигателемъ.

Если бы эта мысль Маркса была выражена имъ въ извѣстныхъ ограниченныхъ предѣлахъ, то съ ней почти что можно было бы согласиться: такъ много содержится въ ней справедливаго. Исторія есть человѣческая дѣятельность. Но чѣмъ стимулируется человѣческая дѣятельность? Хотя и сказано—и сказано справедливо—что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ, — тѣмъ не менѣе добываніе хлѣба насущнаго, для огромнаго большинства человѣчества, было и все еще остается главнымъ стимуломъ жизнедѣятельности. „Голодъ", какъ таковой, и какъ символъ всѣхъ остальныхъ потребностей, безъ удовлетворенія которыхъ человѣкъ не можетъ поддерживать своего животнаго существованія, есть тотъ дѣятель, который игралъ и играетъ въ чело-

вѣческой жизни огромную роль. Забота о пропитаніи, одеждѣ, жилищѣ и пр.—вотъ ежедневная и главная забота человѣческихъ массъ, а если только это вѣрно, то, конечно, мы должны будемъ согласиться, что и та дѣятельность, которая вытекаетъ изъ этой заботы вмѣстѣ съ организующей ее „структурой“, т.-е. то, что именуется „экономическимъ факторомъ“, играло и играетъ въ исторіи первостепенную роль. Съ этой точки зрѣнія „экономическій“ взглядъ на исторію надо поставить безконечно выше тѣхъ системъ, которыя излагаютъ исторію, какъ цѣпь политическихъ событій или даже какъ смѣну политическихъ формъ. Внесеніе этого взгляда въ философію исторіи есть несомнѣнная и крупная заслуга Маркса, и нечего удивляться тому, что нашлись историки, которые пытались объяснять и излагать исторію съ точки зрѣнія преобладающей роли въ ней экономическаго фактора (напр., Лампрехтъ).

Итакъ, можно и должно согласиться съ важностью и даже съ первостепенной важностью экономическаго фактора въ исторіи человѣчества.

Однако Марксъ не ограничился тѣмъ, чтобы только отмѣтить эту важность. Сопоставивъ экономическій факторъ съ „идейными“, онъ, какъ мы уже сказали, призналъ полную *зависимость* вторыхъ отъ перваго. „Способомъ производства матеріальной жизни обусловливается соціальный, политическій и духовный процессъ жизни“, говорилъ онъ еще въ предисловіи къ „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“.

Но и на этомъ утвержденіи не остановилась увлеченная экономическимъ факторомъ мысль Маркса: онъ шагнулъ изъ философіи исторіи въ философію вообще и выставилъ положеніе, которое заставило характеризовать его систему, какъ *матеріалистическую*, дало ей имя, такъ называемаго, экономическаго или историческаго *матеріализма*. Вслѣдъ за приведенной уже нами цитатой, въ томъ же предисловіи къ „Zur Kritik“, онъ

говоритъ: „Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе“. Вотъ это и есть формула такъ называемаго матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, родоначальникомъ котораго является Карлъ Марксъ.

Подняться отъ частныхъ фактовъ къ общимъ положеніямъ и дать этимъ послѣднимъ высшее философское обоснованіе—это перспектива, всегда заманчивая для крупнаго ума, въ какой бы области онъ ни работалъ. И если Марксъ не удержался въ границахъ чистой экономической науки, если онъ поднялся до общаго взгляда на исторію, а этотъ послѣдній обосновалъ на всеобъемлющемъ философскомъ положеніи, то все это служитъ только лучшимъ доказательствомъ того, что онъ былъ не только первоклассным экономистомъ, но и выдающимся мыслителемъ. Но, отдавая должную дань размѣрамъ и заслугамъ этой головы, мы все же не можемъ согласиться съ его философіей.

Дѣйствительно ли бытіе опредѣляетъ собою сознаніе? Дѣйствительно-ли психика человѣческая и даже животная формуется внѣшнимъ бытіемъ, а не наоборотъ—не она формуетъ это внѣшнее бытіе и приспособляетъ его къ своимъ требованіямъ? Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, замѣтимъ, что мы ставимъ здѣсь вопросъ не о *вліяніи* внѣшняго бытія на сознаніе и даже не о *зависимости* послѣдняго отъ перваго, а о самомъ процессѣ образованія и движенія сознанія, и о томъ, самому ли сознанію, или бытію принадлежитъ здѣсь *активная* роль.

Несомнѣнно, что сознаніе находится въ большой зависимости отъ внѣшняго бытія, что оно, съ одной стороны, имъ стимулируется, а, съ другой, въ немъ же находитъ условія и границы для своей дѣятельности, но когда сознаніе такъ или иначе, подъ тѣми или иными вліяніями, образуется, опредѣляется, то—мы спрашиваемъ—есть ли это *самоопредѣленіе,* или опредѣле-

ніе *извнѣ?* На этотъ основной вопросъ жизни духа мы должны дать отвѣтъ, какъ разъ обратный отвѣту Маркса: это есть всегда самоопредѣленіе, трансформація духа, въ которой движущимъ началомъ является самъ же духъ, ибо природа его активная, а не пассивная. Психологи говорятъ намъ, что въ основѣ нашего духа лежитъ *воля,* т.-е. активное начало, психическая энергія, непрерывно дѣйствующая для достиженія своихъ цѣлей, Willen zum Leben (воля къ жизни) по выраженію Шопенгауэра. Эта воля всегда бодрствуетъ и всегда дѣйствуетъ, — среди извѣстной внѣшней обстановки, подъ вліяніемъ и даже давленіемъ различныхъ стимуловъ,—но всегда самоопредѣляясь по своему внутреннему закону, въ согласіи со своей внутренней природой, для удовлетворенія своихъ внутреннихъ жизненныхъ цѣлей. И поэтому нѣтъ возможности считать сознаніе, какъ что-то пассивное, простымъ продуктомъ внѣшняго бытія,—нѣтъ, оно не продуктъ, а агентъ, и потому само въ себѣ несетъ главную причину своего движенія и своего преобразованія. И если ужъ противуполагать сознаніе внѣшнему бытію, то приходится сказать—насколько мы можемъ судить объ этомъ своимъ человѣческимъ разумомъ—что, наоборотъ, внѣшнее бытіе, какъ нѣчто пассивное, или, по крайней мѣрѣ, менѣе активное, поддается воздѣйствію человѣческой и животной воли, формуется и опредѣляется послѣдней. Жизнь вовсе не есть, какъ это сказалъ Спенсеръ, только приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, но и наоборотъ, — внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ, и чѣмъ дальше, чѣмъ сильнѣе и активнѣе становится духъ, тѣмъ покорнѣе склоняется предъ нимъ внѣшнее бытіе; тамъ же, гдѣ громоздкая инерція внѣшняго бытія оказывается не подъ силу духу, гдѣ она давитъ послѣдній и хочетъ заставить его самого покориться силѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, тамъ гордый духъ предпочитаетъ, по выраженію Ницше,

„свободно умереть“, но все же не отказаться отъ своего собственнаго самоопредѣленія!

Итакъ, мы отвергаемъ основное философское положеніе Маркса, мы „сознаніе“ считаемъ преобладающимъ надъ „бытіемъ“, а не наоборотъ. Этимъ самымъ мы отвергаемъ въ корнѣ матеріалистическое воззрѣніе на исторію. Для насъ исторія есть арена дѣятельности духа, а не матеріи.

Однако, кажется, полезнѣе, опровергая экономическій матеріализмъ, колебать его не столько на самой его философской высотѣ, сколько значительно ниже,—именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ экономическомъ факторѣ. Мы уже согласились признать всю важность экономическаго фактора, но отказались приписывать ему роль *primum agens* всего того, что дѣлается въ исторіи. Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на этомъ пунктѣ.

Какова природа самого экономическаго фактора, — есть ли это факторъ *матеріальный,* или *идейный*?

Послѣдователи экономическаго матеріализма, безъ всякой критики и даже, повидимому, безъ всякихъ затрудненій рѣшаютъ этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, а, между тѣмъ, это совершенно невѣрно: экономическій факторъ есть такой же *идейный* факторъ исторіи, какъ и государство, право, наука, религія, искусство и пр. Въ самомъ дѣлѣ, вглядимся поближе въ то, что именуется „экономическимъ факторомъ“. „Экономическій факторъ“ возникаетъ потому, что у человѣка есть „потребности“; дѣйствіе его сказывается въ томъ, что, усиливаясь удовлетворить свои потребности, человѣкъ воздѣйствуетъ на внѣшнюю природу и приспособляетъ ее къ своимъ нуждамъ, вырабатывая постепенно способы цѣлесообразнаго воздѣйствія, создавая технику и умѣнье. Результатомъ воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу изъ-за удовлетворенія его потребностей оказывается цѣлый рядъ матеріальныхъ перемѣнъ во

внѣшнемъ мірѣ, которыя заставляютъ этотъ міръ лучше служить человѣку. Наконецъ, такъ какъ человѣкъ живетъ обществомъ и въ обществѣ, то и удовлетвореніе имъ своихъ потребностей принимаетъ характеръ общественнаго процесса; этотъ общественный процессъ, какъ таковой, требуетъ дополнительныхъ измѣненій, какъ въ поведеніи однообщественниковъ, такъ и въ ихъ характерахъ, а когда эти дополнительныя измѣненія даны и выработаны, то этотъ общественный процессъ принимаетъ характеръ грандіозной кооперації, способной могущественно вторгаться во внѣшній міръ и производить въ немъ такія измѣненія, которыя даютъ уже въ стократъ лучшее удовлетвореніе человѣческимъ потребностямъ, чѣмъ если бы экономическій процессъ велся каждымъ въ одиночку. Въ обществѣ получаются такимъ образомъ „производственныя отношенія“, т.-е. отношенія однообщественниковъ по поводу производства, и экономическая „структура“ общества.

Дали ли мы правильное описаніе „экономическаго фактора“? А если оно правильно, то неужели это факторъ матеріальный, а не психическій? Развѣ весь онъ не есть только сложное и длящееся усиліе человѣческаго духа приспособить внѣшній міръ къ своимъ внутреннимъ требованіямъ? И если даже подъ этимъ факторомъ разумѣть не только участіе психики—воздѣйствіе человѣка на внѣшній міръ, но и участіе внѣшняго міра, т.-е. тѣ матеріальныя измѣненія, которыя въ немъ при этомъ происходятъ, то развѣ внѣшній міръ, матерія не является здѣсь только точкой приложенія дѣйствія человѣческой психики, только простымъ и пассивнымъ объектомъ? Правда, когда человѣкъ или общество уже достигли извѣстныхъ экономическихъ результатовъ,—напр., обработали почву, накопили запасы продуктовъ, построили жилища, изобрѣли технику и пустили ее въ ходъ въ видѣ фабрикъ и заводовъ,—то это оказываетъ огромное обратное вліяніе и

на человѣческую психику, даетъ ей иные стимулы и иную обстановку для дѣятельности; но развѣ среди всей этой „мертвой“ обстановки „живымъ“ дѣятелемъ, какъ и съ самаго начала, является не тотъ же человѣческій духъ? Развѣ отъ того, что „обстановка“ для удовлетворенія потребностей измѣняется, самый процессъ ихъ удовлетворенія перестаетъ быть по прежнему усиліемъ психики достигнуть желаемыхъ ею результатовъ? При безпристрастномъ взглядѣ на дѣло, просто надоумѣваешь, какъ можно было въ этомъ взаимодѣйствіи человѣческой психики и внѣшняго матеріальнаго міра видѣть торжество и преобладаніе матеріи. Нигдѣ, можетъ быть, человѣческій духъ такъ наглядно и очевидно не торжествуетъ надъ матеріей, какъ именно въ хозяйственныхъ процессахъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ матерію дѣлаетъ своей послушной рабой. Когда мы смотримъ на птичье гнѣздо или муравьиную постройку, то намъ и въ голову не приходитъ видѣть въ нихъ торжество матеріи или матеріальный факторъ, хотя предъ нашими глазами и чисто матеріальные предметы. Но мы заглядываемъ дальше, за эти матеріальные предметы, и усматриваемъ то, что ихъ создало, — психическій факторъ, животный инстинктъ,—и мы удивляемся въ нихъ торжеству инстинкта. Почему же мы должны измѣнить эту точку зрѣнія при взглядѣ на человѣческій муравейникъ и его экономику? Развѣ эта экономика не представляетъ собою также продуктъ и торжество психики, но только уже не инстинктивной, а сознательной? Мы думаемъ, что иной взглядъ на этотъ предметъ совершенно невозможенъ, и признавать экономическій факторъ исторіи матеріальнымъ, а не психическимъ было бы столь же неосновательно, какъ и усматривать въ птичьемъ гнѣздѣ проявленіе и дѣйствіе матеріи, а не животнаго инстинкта.

Но если только признать экономическій факторъ пси-

хическимъ, а не матеріальнымъ, то дуализмъ изъ исторіи совершенно устраняется,— она вся становится ареною дѣйствія и проявленія психизма,—всѣ ея факторы: экономика, право, государство, наука, религія, искусство, оказываются факторами одной и той же природы,— и на мѣсто матеріализма въ объясненіи исторіи становится всецѣло и безъ остатка *психизмъ*.

Но замѣчательно: отвергши матеріалистическое воззрѣніе на исторію и поставивши на его мѣсто воззрѣніе, прямо ему противуположное — психологическое, мы вновь получаемъ случай оцѣнить всю силу мысли основателя отвергнутаго нами воззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы теперь спросимъ себя о взаимномъ соотношеніи различныхъ факторовъ исторіи, признавши ихъ уже всѣ одинаково психическими, томы на этотъ вопросъ лучше всего можемъ отвѣтить схемою Маркса и въ особенности этимъ его удивительно удачнымъ выраженіемъ: *надстройка*.

Человѣческій духъ, по своей природѣ самостоятельный и активный, какъ бы подавленъ или пригнетенъ своими низшими животными потребностями; если человѣкъ не имѣетъ пищи или питья, одежды или жилища, то его психика получаетъ жалкій видъ,— она вся захватывается неустранимыми и все разростающимися ощущеніями голода или жажды, страданія отъ холода или отъ жара или отъ иныхъ физическихъ невзгодъ, а вся ея активность сосредоточивается на одномъ стремленіи — во что бы то ни стало устранить эти тягостныя ощущенія. И даже когда неудовлетворенность этихъ насущныхъ потребностей имѣется вовсе не въ крайнихъ степеняхъ, а только въ формѣ извѣстнаго недостатка, неполнаго удовлетворенія, то и тогда давленіе этого факта на психику оказывается все-таки весьма значительнымъ. „Сытый голоднаго не разумѣетъ“ или „голодной кумѣ хлѣбъ на умѣ“ — вотъ какъ характеризуютъ это состояніе народныя пословицы. При

такомъ состояніи высшія стороны и потребности духа не имѣютъ возможности проявиться и развернуться,— наличной психикѣ впору справляться съ поддержаніемъ чисто животнаго существованія. Для того чтобы могли развернуться высшія стороны духа, необходима извѣстная степень удовлетворенія низшихъ потребностей и извѣстный досугъ отъ дѣятельности по непосредственному ихъ удовлетворенію, и, сверхъ того, необходимо, чтобы и это удовлетвореніе, и этотъ досугъ получили характеръ совершенно правильнаго, а не спорадическаго явленія, чтобы удовлетвореніе и досугъ были надежно обезпечены и давали въ этомъ отношеніи психикѣ полную увѣренность и спокойствіе.

Ни одинъ животный видъ на землѣ не достигъ этого состоянія достаточнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченнаго, правильнаго и спокойнаго удовлетворенія своихъ настоятельныхъ, насущныхъ потребностей. Только одинъ человѣкъ — homo sapiens — если и не достигъ еще въ этомъ отношеніи всего, чего можно желать, то все же сталъ на вѣрную дорогу къ достиженію желаемаго. И это потому, что въ своемъ стремленіи къ удовлетворенію своихъ потребностей, въ своей *экономикѣ,* онъ сталъ на новую дорогу — общественнаго сотрудничества, кооперації. Человѣкъ, можетъ быть, уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ человѣкомъ, удовлетворяетъ свои жизненныя потребности не въ одиночку, а сообща, группами, общественнымъ производствомъ и общественнымъ потребленіемъ. Если политическая экономія и говоритъ о *частныхъ* и *общественныхъ* хозяйствахъ, то это только въ извѣстномъ, условномъ смыслѣ, а въ сущности всякое человѣческое хозяйство—общественно и только степень его общественности или обобществленія бываетъ различна. И вотъ, „общественность“ человѣческаго хозяйства повела къ двумъ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Во-первыхъ, она усилила производительность человѣческаго труда до такихъ размѣ-

ровъ, о какихъ труду одиночному невозможно было бы и мечтать. Бо́льшая производительность труда дала такую массу продуктовъ, которая уже въ гораздо большей степени стала обезпечивать человѣческія потребности. Въ области экономики, со временъ Адама Смита, мы уже говоримъ о „богатствѣ“ народовъ, и это совершенно справедливо, потому что въ распоряженіи человѣчества имѣются громадные запасы экономическихъ благъ и производительныхъ средствъ. Въ будущемъ это богатство должно еще сильнѣйшимъ образомъ возрасти, и въ связи съ этимъ передъ человѣчествомъ на мѣсто проблемы накопленія богатствъ все съ большей и большей силой выдвигается проблема справедливаго ихъ распредѣленія. Уже и теперь наиболѣе богатыя части человѣчества могли бы сказать: производство наше колоссально, и мы можемъ теперь нѣсколько отодвинуть въ сторону тѣ стимулы, которые ведутъ къ его увеличенію и ослабить тѣ учрежденія, которыя поддерживаютъ и воспитываютъ эти стимулы; пора уже выдвинуть ближе къ авансценѣ тѣ стимулы, которые ведутъ къ болѣе справедливому распредѣленію и перестроить учрежденія такъ, чтобы они болѣе благопріятствовали и содѣйствовали этимъ стимуламъ. Не будь человѣчество еще въ такой большой степени во власти своего неразумія, и эта очередная задача болѣе справедливаго распредѣленія двигалась бы гораздо быстрѣе и успѣшнѣе къ своему надлежащему и благополучному разрѣшенію.

Вторымъ громаднымъ послѣдствіемъ „общественности“ человѣческаго хозяйства было образованіе государства и права въ ихъ нынѣшнемъ видѣ и съ ихъ нынѣшнимъ содержаніемъ. Разъ производство какой-либо человѣческой группы въ силу своей „общественности“ становилось успѣшнѣе, разъ во владѣніи этой группы начинало накопляться „богатство“, то этой группѣ надо было позаботиться и объ охранѣ своего

„богатства“ отъ другихъ человѣческихъ группъ, всегда готовыхъ поживиться на чужой счетъ. Отсюда необходимость военной организаціи и военныхъ учрежденій, которыя, какъ извѣстно, и послужили колыбелью современнаго государства. Но отсюда же и необходимость внутренняго гражданскаго порядка, потому что для успѣшности и разрастанія производства на ряду съ внѣшней защитой необходимо было обуздать и устранить хищническіе инстинкты внутри самой группы. Такъ и народилось государство, какъ внѣшній и внутренній союзъ защиты производства, а съ разрастаніемъ этого производства и съ возрастаніемъ его „обобществленія“ оно само стало разрастаться, пока не достигло нынѣшнихъ колоссальныхъ размѣровъ, дополняемыхъ для достиженія необходимаго производству всеобщаго мира не менѣе колоссальными союзами народовъ, скрѣпленными и не скрѣпленными формальными договорами. Что касается права, то, противуполагая его государству, мы должны, конечно, разумѣть частное или, такъ называемое, гражданское право. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по содержанію своихъ основныхъ институтовъ оно представляетъ также прямое приспособленіе общества къ удовлетворенію его экономическихъ потребностей. До тѣхъ поръ пока на первомъ планѣ въ какомъ-либо обществѣ стоитъ проблема наибольшаго производства, а не справедливаго распредѣленія (а самая постановка послѣдней — замѣчу кстати — практически получаетъ смыслъ только тогда, когда производство уже достигло извѣстной степени успѣшности и обильной продуктивности), а также до тѣхъ поръ, пока трудовыя и дѣловыя качества членовъ общества не развиты и не закрѣплены въ надлежащей степени, основные институты гражданскаго права — частная собственность, свобода договора и дополняющая ихъ свобода завѣщанія — являются лучшими институтами и съ точки зрѣнія экономическихъ потреб-

ностей. Воплощая собою господство частной воли и частнаго интереса въ экономической сферѣ, они даютъ эгоистическій стимулъ къ безграничному расширенію производства и вмѣстѣ съ тѣмъ на той же эгоистической почвѣ вырабатываютъ и закрѣпляютъ трудовыя и дѣловыя качества людей, безъ которыхъ никакое экономическое благосостояніе совершенно невозможно. Возможно ли было бы достигнуть обоихъ этихъ важныхъ результатовъ — сильнаго производства и воспитанія трудовыхъ и дѣловыхъ качествъ людей — какой-либо иной системой и какой-либо иной школой, это вопросъ, за разрѣшеніе котораго мы здѣсь не беремся, но несомнѣнно, что исторически эти результаты достигаются дѣйствіемъ системы частнаго права съ его нынѣшними основами. Правда, въ возраженіе на это намъ могли бы сказать, что ни частная собственность, ни свобода договора, ни свобода завѣщаній нигдѣ не дѣйствуютъ въ совершенно чистомъ, неограниченномъ видѣ и что число и важность ихъ ограниченій постоянно возрастаютъ, но, не вдаваясь въ подробное обсужденіе этого въ высшей степени важнаго съ соціальной точки зрѣнія вопроса, мы позволимъ себѣ отклонить указанное возраженіе просто ссылкой на то, что эти ограниченія, постоянно возрастающія, какъ въ своемъ объемѣ, такъ и въ своей важности знаменуютъ собою именно движеніе впередъ проблемы болѣе справедливаго распредѣленія и выражаютъ постепенную эволюцію къ иному порядку и къ инымъ правовымъ основамъ въ области имущественныхъ отношеній.

Какъ видите, по отношенію къ праву и государству мы пришли къ выводамъ, очень близкимъ къ схемѣ Маркса, если только не облекать ее въ форму матеріалистическаго взгляда на исторію. Какъ и Марксъ, мы признаемъ, что государство и право образовались подъ непосредственнымъ давленіемъ экономическихъ потребностей человѣчества и что и ихъ нынѣшняя структура

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Изданія книжнаго магазина П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.

МОРЕ и ЕГО ЖИЗНЬ.

Соч. проф. ВАЛЬТЕРА.

ПОПУЛЯРНАЯ ОКЕАНОГРАФІЯ.

Съ многочисл. рисунк. пер. съ нѣм. подъ редакціей и съ примѣчаніями **профессора А. Н. Краснова.**

Цѣна **1** р. **75** к.

Проф. Л. Л. Гиршманъ.

ТРАХОМА

КАКЪ НАРОДНОЕ БѢДСТВІЕ.

Цѣна **35** коп.

Э. ФИГНЕРЪ,

профессоръ Вѣнскаго университета.

О НАСЛѢДСТВЕННОМЪ СИФИЛИСѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Цѣна **80** коп.

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Составилъ **Ю. Ферберъ,** лекторъ Императорскаго Харьковскаго университета.

Руководство это можно рекомендовать для самообученія, т. к. въ немъ произношеніе написано русскими буквами и оно снабжено русско-англійскимъ и англійско-русскимъ словаремъ для самыхъ важнѣйшихъ выраженій.

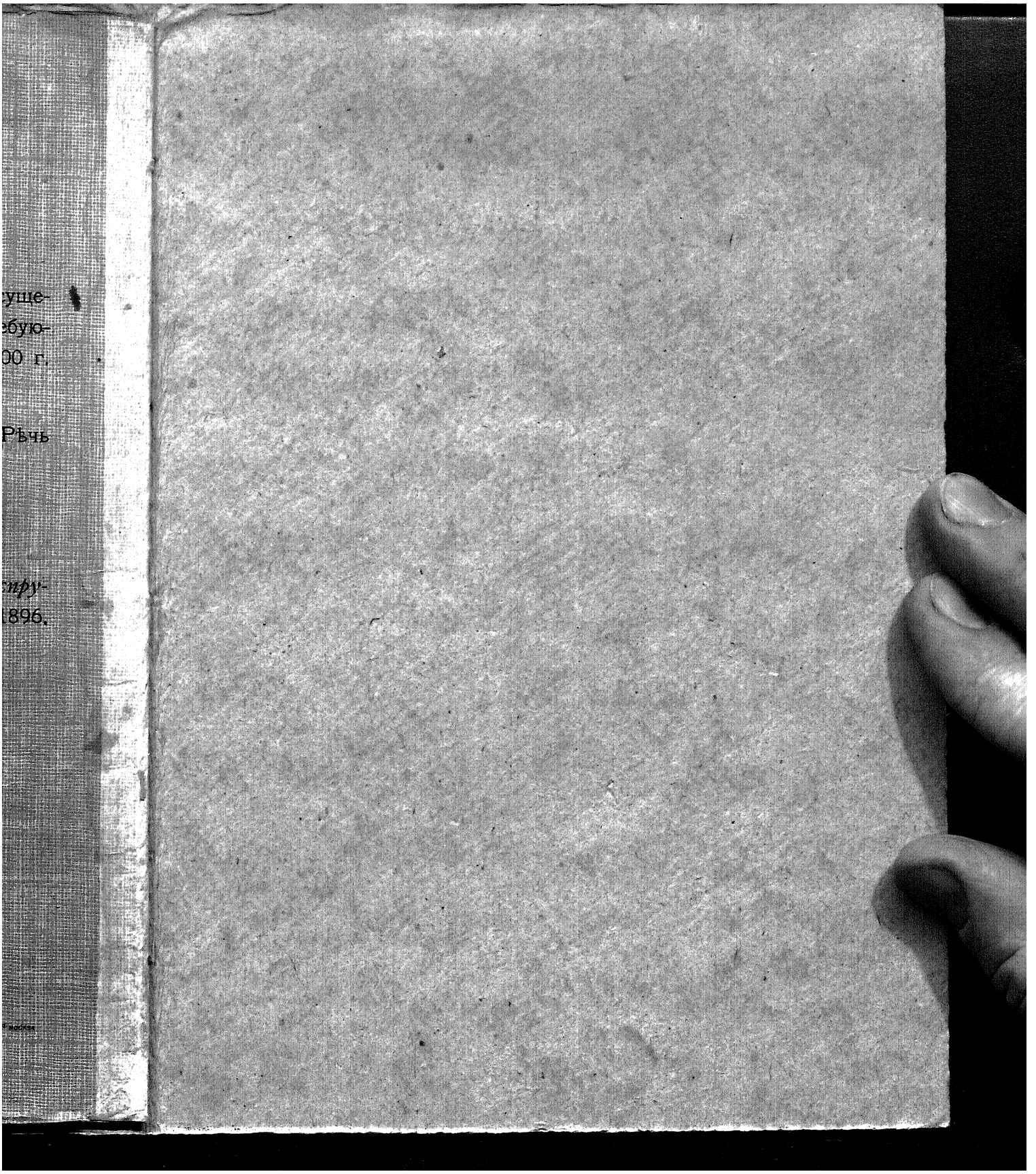
Цѣна вмѣсто 1 р. 20 к. только 60 к.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

(1788—1799 г. г.)

ТЬЕРА.

Цѣна за 5 томовъ вмѣсто **10** руб. **только 5 руб.**

Н. А. Гредескулъ. Къ ученію объ осуществленіи права. Интеллектуальный процессъ, требующійся для осуществленія права. Харьковъ, 1900 г. Цѣна 2 руб.

Его же. Соціологическое изученіе права. Рѣчь передъ диспутомъ. СПБ., 1900. Ц. 15 коп.

Антонъ Менгеръ. *Соціальныя задачи юриспруденціи.* Переводъ Н. А. Гредескула. Харьковъ, 1896. Ц. 20 коп.
